

Памяти Юрия Николаевича Давыдова

Почти не может быть... Мы знали, что Юрий Николаевич давно и тяжело болен, но примириться с мыслью о его кончине очень трудно. Для нескольких поколений гуманитарной интеллигенции Давыдов *был всегда*, был постоянной величиной нашей культурной жизни. С конца 1950-х годов, когда с замечательным предисловием Давыдова, открывающим не только новые имена и горизонты современного мышления, но и новые возможности понимания Гегеля, появилась долгожданная «Феноменология духа», и до начала 2000-х, когда стало очевидным подлинное значение уникального четырехтомного труда по истории теоретической социологии, подготовке и организации которого Юрий Николаевич отдал последние продуктивные годы жизни, – он был одним из самых влиятельных русских философов. «Влиятельный автор» – слова скучные, но они точны.

Конечно, у Давыдова был дар организатора науки и администратора, он умел руководить и в течение нескольких десятилетий с небольшими перерывами все время что-нибудь возглавлял. Правда, начинал он свою научную карьеру очень скромно – аспирантом, а затем младшим научным сотрудником Института философии, еще несколько лет работал старшим редактором в «Философской энциклопедии». Но уже с 1965 года он заведует секторами – в Фундаментальной библиотеке по общественным наукам, в Институте истории искусств, руководит группой, потом сектором и отделом в Институте социологических исследований АН СССР (позже – Институт социологии РАН). У него были аспиранты, молодые сотрудники, которым он отдавал много сил, десятки людей называли и по сей день называют себя его учениками. В общем, жизнь его для стороннего наблюдателя могла выглядеть обычной, сравнительно успешной карьерой ученого. В середине 70-х годов (только люди старшего поколения это помнят) эта карьера резко пошла под откос и чуть было не рухнула окончательно – Давыдов подписывал одно из писем Генеральному прокурору Руденко в защиту диссидентов Гинзбурга и Галанскова, и этого ему не забыли до самого конца «руководящей роли партии». Был, конечно, и приснопамятный 1983 год, тогда, в мутной обстановке постоянного междуцарствия, против Давыдова выступил официальный орган ЦК КПСС – журнал «Коммунист», правда, на этот раз ему удалось отбиться. И все-таки, по внешним приметам он был, как принято ныне говорить, человек успешный: доктор наук, профессор, член Союза писателей СССР, выпускавший книги в самых разных издательствах – от «Науки» до «Художественной литературы», *специалист*, которым – несмотря на всю свою подозрительность – очень дорожило начальство.

Что же, все это были вещи важные, важные и для него самого, и для многих людей вокруг него – мы недаром говорим о них и сейчас. Многие будут вспоминать о нем как о человеке очень ярком, обладавшем разносторонней ученостью. Его познания казались совершенно безграничными, он был для нас как будто из другого мира, потому что знать здесь, знать столько и настолько глубоко было просто невозможно. Но самое главное заключалось в другом: Давыдов, повторим, был прежде всего *влиятельный автор*, он воспитывал читателя своими публикациями, он старался формировать культуру чтения и размышления.

В разное время у Ю.Н. Давыдова было несколько больших проектов. В начале 60-х годов громкую известность принес ему неомарксистский трактат «Труд и свобода». Переведенная на многие языки, эта книга в течение нескольких десятилетий высоко ценилась теми, кто говорил о гуманистическом потенциале марксизма, о проблеме отчуждения и его преодоления. Но сам Давыдов (что особенно примечательно именно на фоне успеха его первой книги) удивительно рано стал уходить от ее теоретического пафоса. «Я, – говорил он позже, – вдруг понял, что могу теперь объяснить все, и страшно испугался».

Это очень особенное, совсем не характерное для русской философии решение! От всеобъясняющих схем, от гарантированного успеха, от – заметим мимоходом – безусловной поддержки специфической философской среды он уходил к постоянному поиску, к исследованию *самого материала*, к возможности пересмотреть свою позицию, если она кажется устаревшей или неправильной.

С этим был связан *экспериментальный характер* его творчества и необычный характер письма. По нынешним временам оно может показаться чересчур страстным и пристрастным. Дело объяснялось тем, как он работал с материалом. Довольно давно у нас сложилось так (и цензурные условия советского существования только усугубили положение), что говорить *от себя самого* было почти невозможно. Приходилось выбирать автора, изложение и даже критика которого были способом донести до читателя любимые идеи. Не один Давыдов так работал, но он работал немного иначе. Он это называл *методом очной ставки*, когда в его книгах и статьях сводились вместе и начинали спорить между собой разные авторы, каждый из которых был ему по-своему дорог. Он не критиковал их в советском смысле слова – только самое безголовое начальство и самые непросвещенные читатели могли этого не заметить! Он действительно искал истину, он сопереживал тем, кто говорил важные, драгоценные для него вещи – но не мог отстоять их, как должен был отстоять философ. Так пришлось расстаться с большим проектом по социологии искусства, главным достижением которого стала не столько даже нашумевшая книга «Искусство и элита», сколько книга «Искусство как социологический феномен» – до сих пор, увы, не понятая и не оцененная по достоинству. Время было такое, что политическое и педагогическое значение искусства, исследованное у Давыдова через обращение к Платону и Аристотелю, трактовалось слишком вульгарно, чтобы в этой области можно было еще что-то сделать. В это время – в конце 60-х – начале 70-х годов – Давыдов совершает еще один важный поворот и начинает еще один большой интеллектуальный проект. Поворот связан с решительным отказом от неомарксизма и – шире – от любой философии активизма, в конце концов, от того, что принято называть «ренессансным пониманием человека». Этот поворот имел огромное значение и для его дальнейшего философского развития, и для его обращения к социологии. Критика социальной философии Франкфуртской школы, которой он отдал столько времени и сил, постепенно уходила на задний план по сравнению с радикальными задачами, которые он решал последние четверть века. К ним относится продуктивное усвоение классической социологии, прежде всего, конечно, Макса Вебера, одного из самых любимых авторов Юрия Николаевича. Но это не просто усвоение, популяризация, расстановка акцентов, вообще не одна только педагогическая задача, хотя педагогический пафос был ему свойствен. Главное – это новая концепция культуры, по замыслу рассчитанная на исследование фундаментальных условий человеческого существования; это новое обращение к проблематике нравственности и утверждение вопреки господствовавшему социологическому релятивизму понятия нравственных абсолютов. «Я пытаюсь вернуть философию на 200 лет назад», – говорил Давыдов о своей книге «Этика любви и метафизика своеволия». Наконец, это новое понимание социологической проблематики модернизации. Прекрасный знаток Вебера и Маркса, Зомбарта и Зиммеля, Давыдов раньше многих увидел существенные изъяны в самой идеологии модернизации. Борьба с ренессансно-марксистским активизмом, утверждение этики над эстетикой, критика теории и практики модернизации в современной России, – все это сделало Давыдова фигурой очень *трудной*, как труден всякий масштабный автор, позиции которого расходятся с позициями большинства.

Сейчас мы отдаем должное его вкладу в философскую культуру, его способности ставить главные вопросы с той решительностью и определенностью, которые востребуют серьезного отношения к делу, внятного самоопределения, чистоты и четкости рассуждений. Мы помним о человеке, который очень хотел быть понятым. Как-то раз, удрученный реакцией на одну из его книг, он с горечью цитировал Маяковского: «Я хочу быть понят моей страной, а не буду понят – что ж...». Задача понимания – большая философская задача,

мы должны отнести ее и к тем, кто недавно был рядом с нами, а теперь стремительно становится нашей историей – славной историей, заметим! Нам же остается не только память. Остаются книги, в каждой из которых мы слышим его живую интонацию. Остаются большой круг людей, знавших и ценивших его. Остаются внятное осознание того, что Давыдов, убежав от системостроительства, оставил нам *задачи*. Он был тем, кого в двадцатые годы прошлого века, немного неловко переименовав древних, называли *logos spermatikos* – Оплодотворяющий Дух. Его действие выходит далеко за пределы его земной жизни. Мы прощаемся с ним, но мы знаем, что история Юрия Николаевича Давыдова в русской философии не окончена. Это – единственное утешение, но это утешение философией.

Александр Филиппов